

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров
Думские весталки
Серия «Женское нестроение», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2784105

Аннотация

«Одна петербургская журналистка нашла нужнымъ пропѣть хвалебный гимнъ петербургскимъ думцамъ зато, что емь „случайно какъ-то пришла хорошая мысль и они порѣшили принимать въ школьныя учительницы лишь незамужнихъ женщинъ“...»

Александр Валентинович Амфитеатров

О думских весталках (По поводу «Анны Дэмби»)

Одна петербургская журналистка¹ нашла нужным пропеть хвалебный гимн петербургским думцам зато, что емь «случайно какъ-то пришла хорошая мысль и они порѣшили принимать въ школьныя учительницы лишь незамужнихъ женщинъ».

Вопросъ этотъ обсуждался въ мѣстной печати съ большою горячностью. Большинство отяеслось къ думскому рѣшенію съ рѣзкимъ порицаніемъ. Доказывать, что дважды два – четыре – не въ моемъ характерѣ, а двухъ рѣшеній даннаго вопроса быть не можетъ. Печальныя доказательства старыхъ, заѣзженныхъ истинъ, въ родѣ того, что «лишать женщину, живущую трудомъ, права на законное замужество – бессмысленная и безцѣльная жестокость», – на мой взглядъ, свидѣтельствуеть о нѣкоторой писательской надменности: неужели умственный и нравственный уровень публики нашей настолько низокъ, что авторъ обязанъ каждое, даже азбучное положеніе свое разжевать и ей въ ротъ положить, а ужъ

---

¹ Е. А. Шабельская.

проглотить она, авось, можетъ быть, сумѣть и сама? Учрежденіе въ г. Петербургѣ трагикомическаго ордена думскихъ весталокъ – эгоистическая и лицемѣрная несправедливость, ничѣмъ не обоснованная и ни къ чему путному не ведущая. Журналистка говоритъ, что мѣру эту захулили непрошенныя критики, какъ «не гуманную и не цѣлесообразную, а главное не либеральную». «Либерализмъ» думскихъ постановленій оставимъ въ покоѣ: слова этого всуе трепать не слѣдуетъ. А что мѣра не гуманная и не цѣлесообразная, – это вѣрно. И неудивительно, если «никто не догадался, что отцы города побуждены были именно отцовскими чувствами, т. е. желаніемъ оградить семьи учительницъ замужнихъ отъ тѣхъ неотвратимыхъ и непоправимыхъ изъязновъ, которые наносятъ матери и жены, связанные службой или занятіемъ внѣ дома».

Спорили двое. Одинъ и говоритъ:

– Выслушалъ я ваши доводы... и, извините; ничего не понимаю, что вы говорили.

Думаль, убиль! А тотъ въ отвѣтъ:

– Что жъ дѣлать-то? Это вамъ не отъ меня такая бѣда, это вамъ отъ Бога.

Я долженъ тоже признаться: ничего не понимаю въ только что цитированномъ періодѣ, – но, право-же, это мнѣ, на сей разъ, не отъ Бога, а отъ неясности въ мысляхъ почтенной журналистки. Я не постигаю, какимъ образомъ отцовскія, да еще курсивно отцовскія, чувства могутъ ставить преграды

семейному началу, которымъ именно они и создаются: это какая-то особая психологія. Я не постигаю, какимъ образомъ пріемъ на службу незамужнихъ женщинъ «оградить семьи учительницъ замужнихъ» и откуда возьмутся учительницы замужнія, разъ на службу будутъ приниматься только незамужнія? Что это значить? То ли, что съ увеличеніемъ учительскихъ штатовъ незамужними учительницами сократятся обязанности учительницъ замужнихъ, и имъ будетъ время заняться отвращеніемъ и поправкою изъязновъ, которые наноситъ мать и жена, связанная службою или занятіемъ внѣ дома? То ли, что думскимъ рѣшеніемъ замужняя женщина, разрѣшенная отъ узъ службы и занятій внѣ дома, возвращена вновь семьѣ, которой ранѣе наносила, какъ мать и жена, неотвратимые и непоправимые изъязны? Но первое – бессмыслица, предположенная мною лишь ради нагляднаго приведенія цитированнаго періода *ad absurdum*. Каждый служить самъ за себя – и только самъ за себя. Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ, – говоритъ пословица. Второе ужъ очень скользко. Почему женщина, обучающая дѣтей въ школѣ ариѳметикѣ и письму за извѣстную плату, наисоить своей семьѣ неотвратимые и непоправимые изъязны? Почему, лишенная такой возможности, а вмѣстѣ съ нею и своего дохода, она оные семейные изъязны исправить и отвратить? «Вотъ загадка тебѣ! Мудрый Эдипъ, разрѣши!»

Сочувствіе къ новоявленному ордену думскихъ «весталокъ поневолѣ» побуждаетъ журналистку къ рѣзкой филипп-

пикъ противъ общественной дѣятельности женщинъ. Она увѣряетъ, что таковая у насъ – «наносная струя протеста нѣмецкой женщины, прикованной къ кухнѣ и дѣтской»; что, по мнѣнію раздражителей Запада, «даже мимолетное посѣщеніе сихъ помѣщеній – величайшее униженіе для женщины»; что рѣшено было огуломъ: «замужество есть пошлость, семейная жизнь рабство; обязанности хозяйки и матери – униженіе для каждой развитой женщины». Неужели ужъ такъ-таки и огуломъ? Гдѣ бы найти, къ примѣру, такое рѣшеніе? А вотъ, – говоритъ журналистка, – «смотри фельетоны г. Амфитеатрова, пресерьезно и пренаивно утверждающаго, что бракъ есть грязь и пошлость»! Благодарю, не ожидалъ!

Журналисткѣ снятся странные сны, и она напрасно рассказываетъ ихъ вслухъ. Ни въ одномъ изъ моихъ фельетоновъ нѣтъ ничего подобнаго. Фельетонъ – «Анна Дэмби» – я написалъ на тему поставленной мнѣ альтернативы: что лучше для дѣвушки, если она чувствуетъ въ своемъ сердцѣ искру таланта, слышитъ голосъ призванія и ищетъ умомъ своего опредѣленнаго идеала, – довъриться ли искрѣ и голосу и пуститься ли въ поиски, или же, страха ради житейска, вступить въ разсудочный бракъ съ человѣкомъ, который не только не любимъ ею, но даже противенъ ей не подходитъ къ ней ни по характеру, ни по взглядамъ, ни по годамъ, не можетъ дать ей никакого нравственнаго удовлетворенія, ничего – кромѣ сытой жизни, купленной цѣною ея свободы и

красиваго тѣла? Разумѣется, я сталь и долженъ быть стать за первую дорогу – за женскую свободу, за самостоятельный трудъ, за вольное призваніе. Бракъ браку рознь, и *такой бракъ*, какъ я изобразилъ сейчасъ, разумѣется, «грязь и пошлость».

– Но развѣ всѣ браки такіе? развѣ у насъ часты подобныя супружества?

– Ужасно часты!

– А откуда вы знаете? кто это говорить?

– Какъ кто? да вотъ та же журналистка увѣряетъ: «У насъ дѣвушкѣ *никто* и *никогда* не говорить, что бракъ есть вещь серьезная. Для барыни-невѣсты замужество ни болѣе, ни менѣе, какъ веселая *partie de plaisir*. Она знаетъ – охъ, какъ прекрасно знаетъ! – какія *права* пріобрѣтаются бракомъ; но какія обязанности она беретъ на себя, рѣшаясь быть женой и матерью, – объ этомъ весьма немногія барышни имѣютъ понятіе, даже и не могуиъ имѣть. Если у какой-нибудь барышни родится сомнѣніе, если она наивно спросить у матери: „Какъ же я поклянусь у алтаря любить вѣчно, – вѣдь любовь не отъ меня зависитъ“, – то ее мамаша разругаетъ порядкомъ за то, что она осмѣливается задумываться надъ столь „неприличными“ вопросами. Выскочи только поскорѣе замужъ, душечка, а тамъ никто, какъ Богъ... и адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ».

Неужели ужъ такъ-таки и никто, и никогда не говорить у насъ дѣвушкѣ, что бракъ есть дѣло серьезное, что надо взвѣ-

силь, какія принимаешь на себя обязанности? готовясь быть женою и матерью, что лишь съ великою осторожностью надо давать клятву предъ алтаремъ и т. д.? Журналистка слишкомъ дурно думаетъ о русскихъ людяхъ, предполагая, что они скрываютъ отъ своихъ женщинъ столь элементарныя истины. Да, позвольте, даже я, преступный авторъ «Анны Дэмби», я, осужденный на жертву громамъ синайскимъ, – и какъ разъ въ инкриминируемомъ фельетонѣ – говорилъ своей собесѣдницѣ: «взвѣсь обязанности, принимаемыя тобою въ замужествѣ, и, если онѣ тебѣ не по душѣ и не по силамъ, откажись отъ этого брака, – иначе ты будешь несчастна! не иди въ среду, которая тебѣ антипатична, – иначе ты въ ней задохнешься, погрязнешь и пропадешь безъ пользы для себя и для другихъ! помни, что выходятъ замужъ не на одинъ день, и насильственно связать себя съ нелюбимымъ человѣкомъ вѣчною клятвою – трудъ, непосильный для совѣсти чуткой, для души, „изъ тонкихъ парфюмовъ сотканной“; помни, что бракъ безъ любви, „по взаимному неуваженію“, никогда не даетъ счастья и дать не можетъ, потому что онѣ представляетъ собою лишь сдѣлку о куплѣ и продажѣ красиваго тѣла, пригоднаго для производства дѣтей и украшенія гостиной!» Если сказать все это, не значить напомнить русской дѣвушкѣ, что бракъ – дѣло серьезное, то я не знаю русскаго языка, и начну думать, что мы съ журналисткою пишемъ на двухъ разныхъ нарѣчійяхъ... А разъ все это сказано, то странно навязывать мнѣ дикое утвержденіе, будто всякій бракъ

есть грязь и пошлость. Я предостерегаю: не обращайтесь брака въ помойную яму! А на меня киваютъ: смотрите! слушайте! онъ хочетъ увѣрить насъ, что бракъ – помой. Бокль отмѣтилъ когда-то, что одинъ изъ коренныхъ недостатковъ женскаго ума – склонность къ быстрымъ обобщеніямъ, основаннымъ на поверхностныхъ и случайныхъ признакахъ. Производство меня въ отрицатели брака – плодъ совершенно женскаго обобщенія. Нѣтъ, я охраняю чистоту и значеніе брака, когда говорю о немъ, какъ о союзѣ двухъ равноправныхъ и равнообязанныхъ существъ, а не бросаю въ него грязью. А, чтобы объ стороны союза явились равноправными и равнообязанными, надо имъ, раньше брака, взвѣсить свои чувства и отношенія на великихъ вѣсахъ любви. Служеніе другъ другу есть основа счастливаго брака, а что же такое истинная любовь, какъ не готовность служенія? Гдѣ она есть, туда мы – «развиватели», какъ иронизируетъ журналистка, – и не обратимъ своихъ совѣтовъ, чѣмъ наполнить тоскливую, пустопорожнюю жизнь: тамъ жизнь полна сама по себѣ, и оттуда мы жалобъ не слышимъ и совѣтовъ нашихъ тамъ не спрашиваютъ. А вотъ изъ области брака, построеннаго лишь на половыхъ и кормежныхъ отношеніяхъ, только и слышишь, что проклятія и ламентации, только и видишь, что драмы, драмы, драмы. И мужчины виноваты больше женщинъ потому, что любятъ семью они меньше, чѣмъ онѣ; а заняты въ обществѣ неизмѣримо больше, чѣмъ онѣ; огромный промежутокъ между этими больше и меньше, ничѣмъ для женщины не за-

полненный, и есть корень антагонизма между двумя полами нашей интеллигенции. А заполнить его – дѣло женской охоты, но мужской воли или, точнѣе выразиться, «соизволенія». Я не могу согласиться съ журналисткою и въ слѣдующемъ ея предположеніи: «не суйся между врожденнымъ здравымъ смысломъ и естественными инстинктами и потребностями женщины всевозможные непрошеные развиватели и фельетонисты, ради краснаго словца не жалѣющіе родного отца (mersi!), то рѣшеніе думы показалось бы справедливымъ каждой не совсѣмъ испорченной женщинѣ». Это – камешекъ въ мой огородъ, потому что именно вслѣдъ за этою-то тирадою и загремѣла Юсафатова долина! Да что же такое, по мнѣнію журналистки, думскія школы, что невозможности служить въ нихъ должны чуть не радоваться всѣ не совсѣмъ испорченныя женщины? Знаменитый Грибоѣдовскій институтъ, что ли, гдѣ упражнялись въ развратѣ и невѣрїи? Журналистка совершенно справедливо нападаетъ на сытыхъ симулянтокъ женскаго труда, играющихъ имъ съ жиру, въ ущербъ своимъ семьямъ, но дѣлаетъ дурное и совершенно фантастическое употребленіе изъ этихъ нападокъ. По ея мнѣнію, «въ думѣ кто-либо изъ отцовъ города, одаренный супругою одного изъ вышепоименованныхъ сортовъ, рѣшился, наконецъ, прекратить безобразіе (!) и сказать громко то, что каждый женатый мужчина думаетъ втихомолку: жена да сидитъ дома и смотритъ за хозяйствомъ!» Журналистка черезчуръ смѣло говорить за всѣхъ женатыхъ мужчинъ, – это

разъ. Два: хорошъ отецъ города, котораго рисуеть намъ во-
ображеніе журналистки, въ качествѣ спасителя русской се-
мьи, потрясенной зловердными фельетонистами!

– Слово предоставляется гласному Толстолобову.

– Господа! – я такъ полагаю, что все это бабье безоб-
разіе...

– Гласный Толстолобовъ! выбирайте лучше ваши выра-
женія. Какое безобразіе?

– А вотъ учительницъ этихъ самыхъ... Ихъ – тово – слѣ-
дуетъ похерить.

– Почему же?

– А потому, что у меня жена негодяйка.

То есть:

Я за то тебя люблю,
Что въ середу праздникъ.

Коротко, ясно и логично.

Три: я рѣшительно недоумѣваю, откуда журналистка взя-
ла, что въ гонимой средѣ учительницъ изобилуютъ зловерд-
ныя симулянтки труда? Надо совсѣмъ отчудиться отъ рус-
ской жизни, надо совсѣмъ не знать быта средней русской ин-
теллигенціи – рабочей, безъ рентъ, чтобы рѣшаться на по-
добныя обобщенія. Я зналъ, если посчитать, не одинъ де-
сятокъ замужнихъ учительницъ, и смѣю утверждать, что и
имъ, какъ «свободнымъ американкамъ», которыхъ примѣро-

мъ колетъ журналистка глаза русскимъ женщинамъ. не приходало въ голову «бѣжать въ школу, оставя дѣтей безъ обѣда, или идти на службу, не пересмотрѣвъ, всѣ ли пуговицы на рубахахъ мужа». Пуговицы – пуговками, а школа – школою. Домашнія операціи, предписываемыя журналисткою женщинамъ къ исполненію прежде общественнаго труженничества, такъ несложны, что легко совмѣщаются со всякаго рода службою, и пуговицы ничуть не мѣшаютъ ей, какъ она не мѣшаетъ пуговкамъ. Смѣю предположить, что изъ десяти мужей, чьи жены теперь лишатся права преподаванія въ думскихъ школахъ, девять предпочли бы пересматривать пуговицы на своихъ рубахахъ собственными своими глазами, – только бы жены ихъ сохранили свои мѣста. Почему? Да потому, что журналистка жестоко и антипатично ошибается, рисуя намъ русскій женскій трудъ забавою съ жиру. А въ особенности въ столицѣ. Трудовыхъ брачныхъ паръ въ Петербургѣ легіонъ; трудится съ утра до ночи мужъ, работаетъ съ утра до ночи жена, и только ихъ совмѣстный трудъ въ состояніи окупить ту каторгу, что называется столичною жизнью. И сходятся-то иной разъ не столько для любви, сколько для того, чтобы «соединить доходы» – слишкомъ мизерные врозь, а вмѣстѣ все-таки похожіе на средства къ жизни. Ну, и околачиваются. Онъ заработаетъ сто, она тридцать, сорокъ, пятьдесятъ – вотъ и всѣ фонды; кое-какъ хватается, но вотъ въ одинъ прекрасный день приходитъ она домой и заявляетъ:

– Душенька, одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что у него жена

дрянная женщина, и это у нея отъ учительницъ, а потому меня гонять съ должности, и отнынѣ мы должны жить не на полтора ста, а на сто цѣлковыхъ.

– Господи! какъ же мы обернемся?!

– Ужъ не знаю.

– Что же ты будешь теперъ дѣлать?

– А вотъ одна журналистка рекомендуетъ пересматривать пуговицы на твоихъ рубахахъ.

– Да у меня всего три рубахи: что же ты, по цѣлымъ днямъ; на нихъ любоваться будешь? Или прикажешь еще три купить – не для носки, а для твоего удовольствія? Такъ, матушка, изъ какихъ источниковъ? Особенно теперъ, когда тебя выгнали изъ школы...

– Зато теперъ я не буду бѣгать въ школу, оставя дѣтей безъ обѣда.

– Гмъ... кстати: на счетъ стола придется сильно сократиться; нашъ прежній обѣдъ намъ ужъ не по средствамъ... жаль ребятишекъ, но дѣлать нечего.

– Мы наверстаемъ дѣло пищею духовною. Вспомни: вѣдь я уже не буду просиживать цѣлые дни въ школѣ, предоставляя своихъ дочерей надзору развратныхъ боннъ и горничныхъ.

– Матушка, ты помѣшалась съ горя! Какія бонны? Какія горничныя? Когда онѣ у насъ были? Теперъ тебѣ самой въ пору идти въ бонны и въ горничныя.

– Ничего, другъ мой: утѣшайся тѣмъ, что принципъ выше

всего! «Взявшись за гужъ» супружества, нельзя же вдругъ возлюбить «не дужъ» и бросить семейную повозку, увязшую въ грязи.

– Это еще что такое?

– Изреченіе той же журналистки по адресу замужнихъ работающихъ женщинъ.

– Да когда же наша семейная повозка вязла въ грязи? И въ какой грязи?

– Не знаю. Говорять, вязла.

– Ты работала въ школѣ... если это называется вязнуть въ грязи, желаю того же всякому.

– Да нѣтъ, ты не понимаешь: пока я работала, таща повозку общественнаго обученія, наша семейная повозка завязла... поняль?

– Ничего не поняль. До сихъ поръ мы не вязли. А вотъ теперь пожалуй, что завяземъ. Да такъ, что и не выльземъ.

– Но, глупый! пойми, вѣдь это въ другомъ, вышемъ смыслѣ, это аллегорія: я запустила безъ ухода тебя, дѣтей...

– Ахъ, что ты все: дѣти, да дѣти! Ну, какъ ты ихъ запустила, когда ты все свое свободное время проводишь съ ними, а когда ты занята, и они заняты, потому что ты учишь въ школѣ, а они учатся.

– Тебѣ не переубѣдить меня. Я хочу «удовлетворять естественныя потребности женщины. Что ни говори работники полной равноправности половъ, а законовъ анатоміи и фізіологіи имъ не побороть. Пока женщина должна носить,

родить и кормить дѣтей, она все-таки останется самкою, со всѣми инстинктами, отличающими самокъ отъ всѣхъ живыхъ существъ».

– Стало быть, ты – попросту говоря – собираешься плодить ребятъ. Ну, ужъ это дудки-съ! Не по состоянію, матушка! Получай мы по-прежнему полтора ста цѣлковыхъ, куда ни шло, можно бы рискнуть – имѣть еще одного... авось бы, когда-нибудь повезло на его счастье, – достукаться до двухъ радужныхъ... А теперь надѣяться не на что, – значить, не надо баловаться! Zweikindersystem – и баста!

1897.